

КОНГРЕССЫ, КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ

© 1992 г., ЭО, № 4

ТИПОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ЕВРОПЕ XIX—XX вв.

Так назывался международный симпозиум, состоявшийся в марте 1991 г. в западногерманском городе Билефельде, входящем в состав земли Северный Рейн-Вестфалия. Местные жители шутливо говорят: «Билефельд не самый большой город в мире» (Bielefeld ist nicht größter Stadt der Welt). С этой поговоркой, которую мне неоднократно приходилось там слышать, трудно, конечно, спорить. Но если Билефельд и в самом деле не самый большой на свете город, то в Германии он, несомненно, один из самых уютных. И, пожалуй, один из самых молодых по составу населения. Ибо Билефельд — это прежде всего город университетский. И Университет один из самых молодых в Германии: он был основан в 1967 г. Это целый город в городе: несколько больших учебных корпусов с домами общежитий, подземными гаражами, спортивными кортами, плавательными бассейнами. И научной библиотекой, при комплектовании которой, особенно периодическими изданиями, средства на подписку не были ограничены. Может быть, такое воспринимается несколько абстрактно, но когда в огромнейших залах библиотеки наряду с бесконечными рядами шкафиков, где по алфавиту расположены комплекты научных журналов, обнаруживаешь все наши центральные журналы по истории, филологии, философии, социологии, включая разного рода ученые записки (об изданиях по естественным и точным дисциплинам я не говорю), то упоминание насчет финансирования без ограничений обретает плоть. Но обо всем этом я узнал чуть позже — а пока передо мной был небольшой, наполненный людьми вокзал. И надо было ехать или идти пешком (этого я точно не знал) к месту назначения. Но куда именно? И тут я сообразил, что на приглашении было просто написано: Билефельд, Центр междисциплинарных исследований. И все! Ни улицы, ни номера дома.

Но тут весьма своевременно возникли два полицейских, торжественно совершавших обход подконтрольной им территории. Они сразу же подвели меня к стоянке такси, выбрали водителя, знавшего, куда ехать. И спустя несколько минут, уплатив за проезд, я уже стоял около стеклянных дверей приземистого современного здания, на фронтоне которого красовалась аббревиатура «ZiF» т. е. «Zentrum für interdisziplinäre Forschung» (Центр междисциплинарных исследований).

ЦИФ — воспользуемся таким сокращением — на год моложе Университета, в рамках структуры которого он основан и существует. Как сказано в официальных документах, он создан для того, чтобы дать возможность немецким и зарубежным ученым работать совместно с учеными Университета более или менее продолжительное время над совместными научными проектами. В распоряжении ЦИФ здание с конференц-залом на 60 мест, несколько небольших помещений для рабочих дискуссий, библиотека, кафетерий, зал отдыха с сауной, настольным теннисом, а также 24 квартиры для приезжих ученых и членов их семей (в самых больших квартирах — по три спальных комнаты). Обычный срок пребывания здесь — один год.

Судя по ежегодно публикуемым отчетам (нам был роздан последний вышедший в свет отчет о работе ЦИФ за 1989—1990 гг.)¹, преимущественное внимание в его деятельности уделяется естественнонаучным и техническим областям, хотя определенное место занимают и гуманитарные проблемы. Так, обсуждались темы «Людвиг Фейербах и будущее философии», «Состояние и развитие обществоведения в ФРГ», «Женщина-учительница дома и в школе». Наш симпозиум явно пополнял этот гуманитарный аспект деятельности ЦИФ.

В симпозиуме участвовало чуть более 30 человек из Австрии, Бельгии, Великобритании, Голландии, Испании, Польши, США, Финляндии, Франции, Чехословакии, Швеции, Югославии и, конечно, Германии. Одним из них был бывший директор бывшего Института сорболоужицкого народоведения бывшей Академии наук бывшей ГДР проф. Мерчин Каспер, которого хорошо знают наши этнографы и историки-слависты. Советский Союз, тогда еще существовавший, был представлен двумя учеными — это автор данной информации и Эа Янсен из Таллинна. Сравнительно небольшой круг участников обеспечил делovou и в хорошем смысле камерную обстановку работы.

Научными инициаторами симпозиума явились два ученых — видный чешский историк, профессор Пражского университета Мирослав Грох и известный немецкий политолог, профессор Франкфуртского университета Ханс-Юрген Пуле. Они и открыли симпозиум, выступив с коллективным докладом, где сформулировали исходные методологические принципы исследования типов национальных движений у малых народов западной и восточной частей Европы.

Чтобы лучше понять замысел научной встречи, следует пояснить, что в послевоенный период в Западной Германии сохранялся интерес к методологии исторического материализма, о чем, в

частности, свидетельствуют труды франкфуртской школы. Интерес присутствует и сейчас, причем критический подход к наследию классиков марксизма отнюдь не игнорирует самого марксизма. В этом смысле объединение двух профессоров — Гроха и Пуле — оказалось достаточно символическим и плодотворным. Надо заметить, что приоритет в постановке вопросов сравнительного типологического изучения национальных движений у малых народов Европы принадлежит, безусловно, Гроху. Его труды известны и у нас, а после выхода в свет его монографии по этой проблематике в Кембридже на английском языке они получили распространение среди западных ученых². Идеи Гроха были положены в центр вводного доклада.

Говоря коротко, они сводятся к следующему. У всех народов Европы национальные движения проходили несколько этапов, поддающихся формализации и типологическому структурированию. При этом в предшествующих работах Грох отталкивался от известного положения В. И. Ленина относительно двух основных эпох развития национальных движений: 1) период роста капитализма, борьбы с феодально-абсолютистскими режимами и подготовки буржуазно-демократических революций; 2) период утверждения капитализма, выхода на историческую сцену рабочего класса. В рамках этих двух периодов Грох выделяет три фазы национальных движений: первая из них (фаза А) характеризовалась появлением отдельных патриотически настроенных идеологов, которые обращались к разработке языка, истории и культуры неполноправных, угнетенных этносов. В результате постепенно происходившего углубления движения намечался переход к национально-патриотической агитации, когда наука, выходя из кабинетов ученых-патриотов, обрела общественное звучание (фаза В). Эта эволюция в оптимальных случаях завершалась возникновением массового национально-освободительного движения (фаза С). Наиболее интересной с точки зрения воздействия на этнические процессы Грох считает фазу В, подчеркивая, однако, что далеко не у всех этносов она переходила в фазу С.

Схематически эта конструкция выглядит следующим образом:

Иными словами, в первом случае фазы А и В укладывались в первый из двух периодов, если следовать упомянутой выше периодизации В. И. Ленина. Во втором случае фаза В начинается в первом периоде, но переход ее в фазу С происходит только при переходе ко второму периоду. В третьем случае фаза В возникает лишь во втором периоде, а в последнем, четвертом случае, национальные движения быстро перерастают в фазу С — до утверждения капиталистических отношений в соответствующей стране или у соответствующего этноса.

Идеи Гроха с некоторыми поправками, воспроизведенные в докладе, его соавтор Пуле конкретизировал материалами региональных движений в Бельгии, Голландии, Испании, Франции на протяжении того же периода, т. е. в XIX и XX вв.

Построению вводного доклада отвечала и структура повестки дня: сперва были заслушаны и обсуждены доклады по региону Центральной и Юго-Восточной Европы, затем по региону Северной и Восточной Европы, наконец, по региону Западной и Южной Европы. Не имея возможности перечислить все доклады, назовем в качестве примера лишь некоторые из них. Так, в рамках первого блока были прочитаны доклады Е. Гопольского (Познань) «Роль историографических мифов в польском национальном движении», И. Коржалки (Прага) «Национальное движение чехов и словаков», А. Зупана (Вена) «Национальное движение словенцев», К. Нистрём (Лунд) «Политический и культурный национализм на примере Хорватии» и ряд других. К этому же блоку был отнесен доклад, подготовленный мною совместно с В. И. Фрейдзоном (Москва) «Этносоциальные структуры, национальное самосознание и национальные движения в Центральной Европе с конца XVIII до начала XX вв.»

К региону Северной и Восточной Европы было отнесено четыре доклада: А. Кемилляйнен (Хельсинки) «Финское национальное движение», Э. Янсен (Таллинн) «Эстонское национальное движение: социально-экономическая обусловленность и социокультурная характеристика», А. Лойта (Стокгольм) «Национальные движения на Балтике в XIX—XX вв. в сравнительной перспективе» и А. Каппелера (Кельн) «Национальное движение на Украине».

Весьма много докладов входило в последний блок, посвященный региону Западной и Южной Европы. В нескольких из них рассматривались этнорегиональные движения каталонцев и басков, ирландцев, шотландцев и уэльсцев, корсиканцев, фламандцев, фризов. Проблемы национальной идентификации датчан в контактной зоне южной Дании и Шлезвига анализировались в докладе У. Остергарда. Заключительная часть симпозиума была посвящена сопоставительным типологическим аспектам рассмотренной проблематики. Основное место заняло выступление кельнского профессора О. Дана, сделавшего попытку обобщить предшествующие доклады и сформулировать свое отношение к ним.

При всей многоаспектности поставленных на симпозиуме вопросов хотелось бы выделить несколько сквозных тем, вокруг которых разворачивались дискуссии: определение понятия «нация», корни и причины усиления территориального и этнического регионализма, периодизация этнонациональных процессов. И надо заметить, что мнения, высказывавшиеся в ходе обсуждения, отражали разные уровни этнического развития в различных регионах Европы как в исторической перспективе, так и в современных условиях.

Один из основных содокладчиков — Грох в целом стоит на позициях, близких к тем, которые на материалах Центральной и Юго-Восточной Европы получили разработку в трудах наших этнографов и историков-славистов, рассматривающих нацию как один из типов социальной организации этноса. При этом важнейшим вопросом формирования наций является вопрос о полных или неполных этносоциальных структурах как показателе уровня развитости нации. Насколько сильно непонимание этого аспекта со стороны ряда западных ученых, свидетельствовала реплика Пуле относительно проблемы полноты этносоциальных (а не только социальных) структур наций, поднятой одним из чехословацких участников. «Это бессмыслица», — воскликнул франкфуртский политолог. Поддержав постановку вопроса о полноте этносоциальных структур, я высказал возражение Пуле: «Этносоциальные структуры наций, — сказал я, — это не абстрактная выдумка, а реальность, с которой нельзя не считаться. Известно, чем закончились попытки коммунистического руководства Болгарии во главе с Т. Живковым утверждать, что все граждане страны — болгары. Не говоря уже о том, что универсализация гермина нация, под которым понимается политическая организация населения, на практике может означать лишь нарушение прав людей на свободное этнокультурное развитие, на этническую идентификацию и самоотнесение к тому или иному этносу». Показательно, что такая постановка вопроса вызвала одобрительную реакцию со стороны не только ученых из бывших социалистических стран, но и ряда исследователей из Швеции, Бельгии да и бывшей ГДР.

Тем не менее Дани в своем итоговом выступлении все же предложил именно политическое, а не этнокультурное понимание нации, полагая, что в современных условиях нация является носителем идеи государства, в связи с чем понятия «нация» и «народ» не могут быть синонимами. Народы, имеющие собственную историю, язык, традиции, образуют коммуникативную систему, но нациями они становятся лишь как субъект государства. Тем более, продолжал Дани, существуют народы, не имеющие своей государственности, и требование ее создания во всех случаях является нереалистичным. В то же время Дани не отрицал, что в исторической ретроспективе идея нации была плодом политической эмансипации эпохи Просвещения XVIII в. и при определенных условиях могла обрести прогрессивное значение и позднее: Так, по его мнению, движение против фашизма можно трактовать как движение национально-освободительное. Но в целом, согласно Дани, современная нация представляет собой политическую модель и не ограничена конкретными социальными структурами, входящими в ее состав. Для того, чтобы стать современными нациями, все государства должны быть национально легитимированными. Несомненно, размышления Дани, историка авторитетного, теоретика, к тому же хорошо ориентирующегося в марксистской литературе, заслуживают внимания. Однако не создает ли слишком резкое противопоставление политического понимания нации этническому питательной почвы для идей этнотерриториального регионализма, заметно усилившегося как раз в тех странах Европы, где политическое понимание нации имеет давние и, казалось бы, прочные традиции? Достаточно сослаться хотя бы на ревитализацию такого регионализма в Великобритании, Франции или Бельгии.

Противоречия этого рода не прошли мимо внимания многих участников симпозиума, причем — и такой подход достаточно симптоматичен — ученых, смотрящих «с Запада». Один из них, Гердес из Института политологии Гейдельбергского университета, специально посвятил свой доклад регионализму в Западной Европе. Его возникновение в 1970-е гг. он назвал феноменом, который «имел ошеломляющий эффект для общественных наук»³. Среди причин движения этнотерриториального регионализма Гердес назвал «внутреннюю колонизацию» экономической периферии, которая казалась бы устоявшихся национальных государств, противостояния ее центру, потребности дальнейшей индустриализации. Под этим углом зрения докладчик проанализировал правительственные меры в разных странах по децентрализации управления, а также позиции автономистов, сепаратистов и федералистов и политическую борьбу вокруг проблемы регионализма. В целом проблема трактуется как «восстание в провинции», разумеется, в переносном смысле этого понятия.

Что касается периодизации национальных движений, то практически все выступавшие поддержали предложенную Грохом схему, подкрепляя ее «своим» материалом и подвергая критике отдельные положения. Так, К о р ж а л к а высказал мысль о типологическом сходстве чешского и каталонского национальных движений из-за того, что у этих народов организованные выступления рабочих начались до завершения процесса формирования соответствующих наций. Д ж Л и ц из Йельского ун-та полагает, что без точного определения понятия «народ» этническая идентификация невозможна, а без этого, в свою очередь, трудно применить концепцию фаз А, В, С к конкретному материалу. Ряд критических замечаний был высказан Лойтом. Он, в частности, отметил, что между фазами А и В связь намного слабее, нежели между фазами В и С, когда происходил переход от нации в этнокультурном смысле к нации в смысле политическом. В одном из выступлений по докладам автор этих строк отметил, что при рассмотрении этапов генезиса национальных движений нельзя забывать об этнодемографическом факторе и о пределах территории, на которой этнические процессы протекали. В качестве примера можно привести формирование украинской нации, проходившее неравномерно не только на территориях соседних многонациональных государств (Россия, Австро-Венгрии, Польши), но и в областях колонизации, постепенно втягивавшихся в этнотерриториальные процессы (Слободская Украина, Новороссия и др.). Это вызвало известную асинхронность формирования украинского национального самосознания, придавало ему ряд специфических черт, находивших отражение в материальных и духовных формах этнической культуры.

Билефельдский симпозиум еще раз подтвердил ту очевидную истину, что личные контакты, непосредственный обмен мнениями ученых, объединенных общностью исследовательских интересов, оказывают плодотворное воздействие на упрочение делового сотрудничества. Особенно в науках гуманитарных, для которых центральной была и всегда будет проблема человека. И здесь хочется

еще раз задуматься над социальной значимостью гуманитарной сферы знания, которая дает эффект, трудно определяемый в денежных единицах.

Немало копий сломано и продолжает ломаться у нас вокруг вопроса о так называемой практической отдаче обществоведения. И редко что из непосвященных понимает, что отдача наук об обществе несоизмерима ни с какой другой областью научного познания. Ибо общественные науки выдвигают и обосновывают положения, которые раньше или позже проникают в общественное сознание, оказывают прямое или косвенное воздействие на коллективную и индивидуальную психологию, создают или опрокидывают этнокультурные и иные стереотипы. Едва ли случайно, что в странах, обыкновенно именуемых у нас «цивилизованными», разработке и финансовой поддержке этнографии и истории уделяется внимание, несравнимое с тем, которое ощущаем мы у себя.

Мы привыкли бросаться из одной крайности в другую — если до недавнего времени мы проявляли «собственную гордость», то теперь вроде бы модным стало «догонять и перегонять». Однако слова эти из замшелого лексикона: наука — не бег на стометровку, и тот, кто в исследованиях не стоит на передовых позициях, занимает не второе или третье, а последнее место. И тем обиднее было, слушая доклады и особенно их обсуждение, сознавать, что ко многим выводам, о которых спорили наши западные коллеги, отечественные этнографы и слависты пришли еще лет 15—20 тому назад. Достаточно сослаться хотя бы на серию «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму: Проблемы истории и культуры», выходящую с 1984 г. и составившую к концу 1980-х гг. 15 томов¹. Но многие ли наши коллеги, занимающиеся вопросами национальных движений в Западной Европе, владеют русским языком? Едва ли бы они знали и о концепции Гроха, останься его книга изданной только на чешском². Стало быть, регулярное издание, может в кооперации с издательскими фирмами в США, ФРГ, Великобритании и других стран, переводов наиболее значимых книг и статей с русского на английский и другие международные языки остается задачей, до сих пор по-настоящему не решенной.

Но и в собственно теоретической области встречи ученых с разными взглядами, принадлежащих к различным научным школам, нужны как воздух. Вот, например, спорный вопрос об определении понятия «нация». Если вдуматься в причины разнобоя, имеющего место в настоящее время, то одной из них и немаловажной является то, что универсального понятия «нация», как и явления, которое этим словом обозначается, попросту не существует. Необходимо учитывать исторические условия складывания современных наций — на базе предшествующего стабильного развития этнических общностей донационального периода; в результате массовых переселений и эмиграции; на этнически пестрых территориях, образовавшихся во время колониального размежевания в Африке и Азии и т. п. Все это свидетельствует о необходимости отказаться от банальной одномерности в спорах о том, что такое нация, и перейти к осмыслению ее как явления многомерного, применяя типологический подход, который стремились приложить к исследованию национальных движений европейских народов участники билефельдского симпозиума.

... Чтобы найти обратную дорогу — от ЦИФ к вокзалу, — помощи не потребовалось. Я знал, куда еду: домой, чтобы продолжить работу. Пребывание в гостеприимном Билефельде было приятным, полезным, но все же лишь эпизодом.

А. С. Мыльников

Примечания

¹ Zentrum für interdisziplinäre Forschung Universität Bielefeld//Jahresbericht 89/90. Bielefeld, 1990. 122 S.

² Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller Nations. Cambridge, 1985.

³ Gerdes D. Regionalismus in Westeuropa. Wie die Wissenschaft mit der Wirklichkeit Schritt zu halten versucht//Bürger im Staat 1987. № 2. S. 71—95.

⁴ Библиографию книг серии «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму: проблемы истории и культуры» см.: У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1984. С. 227.

⁵ Hroch M. Evropská národní hnutí v XIX století. Spelecnost predpoklady vzniku novodobých národu. Praha, 1986.